

В.В. Карнова

Вологодский государственный университет

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ЧУДО В РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ XIX–XXI ВВ.)

Данная статья преследует цель анализа языковых средств и способов выражения представлений о *чудесном* в русской волшебной сказке. Проблема изменений в структуре фольклорного концепта *чудо*, а также в составе языковых средств, его репрезентирующих, представляется нам актуальной потому, что фольклорная коммуникация как специфическая форма информационного обмена значительно изменяется в современном обществе. Обращаясь к региональным записям волшебных сказок, а также к новым дискурсивным практикам («экологические сказки» наивных авторов), считаем возможным описать особые условия бытования сказочного концепта *чудо*. Моделирование фреймово-слотовой структуры концепта позволяет расширить рамки описания исследуемого материала. Анализ лексем, объективирующих концепт в языке и сказочных текстах, способствует выявлению множества смыслов, относящихся к базовым характеристикам концепта.

Концепт, концептуализация, динамика концепта, волшебная сказка, экологическая сказка.

Динамика репрезентации базовых ментальных комплексов традиционных фольклорных жанров требует тщательного изучения, поскольку фольклорная коммуникация как специфическая форма информационного обмена в современном обществе меняет условия своего бытования. Фольклорные тексты, принадлежащие к жанру волшебной сказки¹, содержат в себе концепты, языковое наполнение которых подвергается различного рода изменениям, существование которых говорит о развитии концептосферы фольклора в целом. В центре нашего внимания оказывается концепт *чудо*.

Методика описания концептов осложняется тем, что концептуализация – постоянно продолжающийся процесс, как в обществе, так и в индивидуальном сознании [7, с. 88].

Изменчивость (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), гибкость и подвижность (Е.С. Кубрякова) концептов затрудняет процесс их описания.

Изменения концептов могут быть представлены по-разному. Это может быть *исчезновение* концепта или его *угасание*. Изменения могут быть описаны с помощью *концептуальной инверсии* (Н.Н. Белозерова и Л.Е. Чуфистова), которая мыслится как концептуальные преобразования в исторической перспективе. Близким по смыслу к явлению концептуальной инверсии является термин, предложенный Дж. Лакоффом, *рефрейминг*, предполагающий «процесс повторного мышления», порой концептуальный пересмотр одного и того же явления. *Концептуальные инверсии* видят важным обращение к культурно-историческому контексту, тогда как *рефрейминг* концентрируется на ценностном компоненте, поскольку процесс рекон-

цептуализации по Дж. Лакоффу означает, что «цель, определяемая каким-то образом в одной системе ценностей, переносится в другую, совершенно отличную систему» [11].

Исследователь Е.М. Абышева рассматривает концептуальные инверсии концепта *чудо* на материале русских и ирландских поговорок и сказок и приходит к выводу о том, что концепт *чудо* был подвергнут профанизации и дальнейшей сакрализации [1].

Существенный объем научных исследований *чуда* посвящен соотношению религиозного и обыденного *чудесного* (работы Ж.В. Корминой, Ю.В. Кореневой, С.Е. Никитиной, О.В. Беловой), а также особого понимания *чуда* в мифологическом сознании (А.Ф. Лосев). Обобщая данные в этих областях, можно сделать вывод, что всякое сознание приемлет понятие *чуда*. Однако если религиозное *чудо* чаще воспринимается как знак Божественной воли, то обыденное восприятие *чуда* соотносит его с областью *чужого, неизведанного, нечистого*, для мифологического же сознания все – *чудо*.

Непосредственное исследование *чуда* в фольклоре представлено работами С.Ю. Неклюдова, С.Е. Никитиной, Е.Л. Березович. *Чудо* в текстах былин, например, не имеет христианского смысла. Само слово включает в себя значения ‘удивительности’, ‘необыкновенности’, ‘ирреальности’.

Волшебная сказка на протяжении многих лет представляла собой жанр фольклора, концептуальной доминантой которого является *чудо*. Однако *чудесное* начало получает различные трактовки в зависимости от взглядов исследователя. Хотя термины «волшебное» и «фантастическое» часто употребляются как синонимы, фольклористы стремятся их разграничить (Л. Парпулова, Н.В. Новиков), усматривая религиоз-

¹ Далее ВС.

но-мифологическую основу первого и стихийно-материалистическую основу второго как принцип для их разграничения.

Наше исследование не содержит строгого разделения этих двух понятий. *Чудесное* в нашей работе включает в себя эти два начала, поскольку они в равной степени влияют на создание чудесной сказочной атмосферы и активно участвуют в создании вариантов мотива *чудо*, однако думается, что более поздние записи ВС, а также новые дискурсивные практики могут содержать больше иллюстраций фантастического начала.

Фольклорный концепт отличается от других дискурсивно обусловленных вариантов общекультурного концепта стабильностью содержания. Однако, несмотря на присущую ему устойчивость, в фольклорном концепте присутствуют элементы динамизма, обусловленные жанрово и хронологически. Его изменения связаны с изменением общественного, а следовательно, и фольклорного сознания, ценностной системы общества.

Описание динамики концепта *чудо* на материале волшебной сказки может быть организовано по нескольким направлениям.

Во-первых, обширный материал для исследования языковых средств, репрезентирующих концепт, сконцентрирован в многочисленных сборниках сказок.

Пристальное внимание мы уделили региональному сборнику «Вологодские сказки конца XX – начала XXI века» [2]. Нами были проанализированы тексты записей волшебных сказок (всего 37). 37 сказкам из сборника «Вологодские сказки конца XIX – начала XX века»² соответствует 43 варианта сказок из сборника А.Н. Афанасьева [4] и 16 сказок из сборника братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых [6; 9].

Представляется, что описание фольклорного концепта *чудо* может быть предпринято с помощью соотнесения его с фреймом или сценарием, соответственно в свете использования по отношению к нему фреймово-слотовой структуры, хотя и полевая организация структуры концепта также возможна.

При моделировании фреймово-слотовой структуры концепта *чудо* можно выделить два вершинных узла моделируемого фрейма: вредительство и ликвидация вредительства. Все, что относится к плану *чудесного*, находится между этими композиционными отметками. Наличие элементов *чудесного* до функции № 8 (вредительство или недостача) можно констатировать в случае использования мотивов чудесного роста или рождения. Элементы *чудесного* после функции № 19 (беда или недостача ликвидируется) не привносят в сказочное пространство качественно новых своих проявлений: чудесные противники, помощники, предметы и т.д. зачастую остаются прежними, меняющийся характер может носить мотив чудесной задачи.

В связи с отнесением исследуемого концепта *чудо* с фреймом значительное внимание в работе уделено вербализации структурных особенностей исследуемых текстов, поскольку сама поэтика *чуда* ВС в том числе выражается структурно и композиционно.

Например, наблюдается новое языковое наполнение элемента отлучки. Традиционными формами отлучки являются: на работу, в лес, торговать, на войну, «по делам». В текстах записей сказок после А.Н. Афанасьева мотив отлучки представлен преимущественно «по делам»: *...мужа нету из командировки...* [Волог. ск. № 57]; *...ужжал в командировки...* [Волог. ск. № 64]; *...уехал куда-ты учиться...* [Волог. ск. № 65], *...его на собрание потребовали...* [Сок. № 42].

Среди структурных элементов особого внимания заслуживают начинательные, медиальные, финитные формулы сказочного повествования. В исследуемых текстах представлено минимальное количество начинательных формул. Помимо традиционного *жили-были, в некотором царстве* зачастую наблюдается использование формулировок, резюмирующих основное тематическое содержание сказки: *Ну што ж, сказка говоритцы про птлотника и часовово масте-ра* [Волог. ск. № 62].

Инициальная формула *Я повел такую рець, никто меня штобы не перець, не любо – не слушайте, а врать не мешайте* [Волог. ск. № 58] объективирует в языке оппозицию правда – ложь, которая может быть использована при описании концепта *чуда*.

Иногда в состав завершающих повествование формул включается субъективная характеристика автором сказочного содержания («недолгая», «долгая», «интересная», «такие»): *(Долгая ведь эта сказка, ак ведь не знаю, дак забыла)* [Волог. ск. № 54].

Сказка № 69 завершается риторическим вопросом *Сказка, дак как не воскрес?*, утверждающим, что кажущееся невозможным становится реальным в рамках жанра ВС.

Исследование традиционных мотивов ВС в текстах сборника помогает в полной мере описать средства вербализации фольклорного концепта *чудо*.

Например, описание *чудесного помощника*, коня, значительно сокращается, теряется формульность в его описании. В описании используются современные реалии: *...ну и погнал, дак весь и асфальт сбил* [Волог. ск. № 58].

Мотив *чудесного исцеления* получает современное звучание и выражается с помощью конструкции *Скорую помощь быстро!* [Волог. ск. № 37].

Мотив *чудесной задачи* также подвержен изменениям. Оповещение о чудесной задаче все чаще приносит почтальон: *целовек и сумка на боку: «А вот, пожалуйте, полуците от вашего Императорскова Величества пакет, письмо такоё вам* [Волог. ск. № 58].

Сама суть чудесной задачи в целом зачастую остается без изменений, однако детали в ее формулировке меняются, приобретая современное звучание: *От нашева имени величества прошу приехать к нам на искурсию, посмотреть, – царевна сидит на семом етаж...* [Волог. ск. № 58].

В рамках данного исследования на материалах сборника «Вологодские сказки конца XIX – начала XX века» также осуществляется попытка изучения речевой характеристики персонажей ВС, участие которых в языковой объективации концепта *чудо* возможно описать с помощью грамматической категории модальности.

² Примеры из текста сборника даны как [Волог. ск. №].

Например, императивные формы используются в ситуациях, когда герой наделяется волшебным средством и его учат, как обращаться с ним. Например, *Ты ими (дубинки) ударь три раза по воротам что-нибудь выдумай, а про меня не говори* [Волог. ск. № 37].

Или формы повелительного наклонения используются в случае, когда помощник выдвигает условие, при котором помощь герою/герою будет оказана: *Съешь у меня яблочкё, дак и скажу, куды гуси-лебеди полетили* [Волог. ск. № 55].

Таким образом, тексты данного сборника демонстрируют несколько иное языковое наполнение элементов структуры ВС. Так, в текстовое пространство активно проникают реалии современного рассказчику общества: «командировка», «учеба», «собрание», «колхоз», «советская власть», «завод» и др.

Традиционные мотивы ВС также претерпевают некоторые изменения. Например, мотив чудесного превращения упрощается, является маркированным с точки зрения реакции удивления героя.

Текстовое пространство сказки становится все более наполнено обозначениями достижений техники: «шлюпка», «револьвер», «мины», «винтовоська», «диноколь», «Азбука Морзе».

Одним из альтернативных путей для описания концепта *чудо*, а также динамических процессов в нем, в волшебной сказке является анализ новых дискурсивных практик, существование которых возможно в рамках направлений, описываемых с помощью возникающих терминов: неофольклор [3], постфольклор, постпостфольклор [10]. Существование исследуемого нами корпуса авторских наивных текстов (129 текстов вологодских авторов³) стало возможным благодаря проведению международного конкурса «Экологическая сказка» в 2013 по инициативе Вологодского регионального отделения Русского географического общества.

Согласно мнению С.Ю. Неклюдова, «наивная литература» – «это прозаические и поэтические опусы неумелых людей, подражающих образцам “высокой” словесности» [5, с. 8]. Среди традиционно выделяемых типов сказок (бытовая, волшебная, сказки о животных) экологической сказки нет, поэтому заведомо известно, что авторы текстов будут обращаться к особенностям какого-либо вида сказок. Наша задача – распознать среди них особенности сказки волшебной.

На уровне структуры авторские тексты демонстрируют обилие традиционных начинательных (инициальных), финитных формул.

Наблюдаются следующие *начинательные (инициальные) формулы*: *А дело было так: в некотором царстве, в вологодском государстве...* [Экол. ск. № 4].

Нередко встречаются нетрадиционные формы зачина, например стихотворная, указывающая на основное тематическое содержание сказки [Экол. ск. № 81].

На смену традиционным *финитным формулам* приходят новые способы языковой объективации вымышленного содержания сказки. Например, активно используется *мотив сна*, завершающий повествование:

Мама мне приснился удивительный сон, и теперь мне хочется знать как можно больше о насекомых [Экол. ск. № 126].

Сказки, завершающиеся *моралью или морализаторской сентенцией*, нетипичны для русского народа [8, с. 75]. Однако в исследуемых текстах наивных авторов мораль в качестве завершающего элемента повествования встречается очень часто: *Вот и ты друг, помни, что придя в лес, на поляну, на речку могут найти такие хранители природы, которые также могут поступить и с тобой. БЕРЕГИ ПРИРОДУ!!!!* [Экол. ск. № 54]. Морализаторские сентенции также включают в себя глаголы долженствования: «должны», «надо».

В состав мотивов новых текстов входят многие из традиционных. Так, мотив *чудесного предмета* получает новое звучание, поскольку встречаются случаи самостоятельного получения/изготовления волшебного средства или предмета, что практически невозможно в традиционной ВС: *Давай мы их (драконов страшных) синтетическими моющими средствами обрызгаем! Они губительны для всего живого!; Ребята собрались за синтетическими моющими средствами, да где же столько их соберешь?! Стали они проводить химические реакции, но дело шло медленно. Пришлось привлечь катализаторы, и процесс ускорился* [Экол. ск. № 1].

Мотив *чудесного противника* видоизменяется. Обычно выступающий в роли противника Змей Горыныч оказывается помощником: *...погрузили на верного им Змея Горыныча* [Экол. ск. № 1]. Именование противника может варьироваться даже в пределах одного сказочного текста. Например, такая вариативность обусловлена стихотворной формой написания текста. Баба Яга именуется «злющей бабушкой Ягой», «Бабкой-Ежкой», «Ежкой».

О наделении *пространства* волшебными свойствами становится известно благодаря использованию лексем со следующими корневыми морфемами: *-чуд-* («чудесная страна»), *-сказ-* («сказочный лес»), *-волшеб-* («волшебный лес»), *-див-* («дивный город»), *-загад-* («загадочный лес»). Приписывание чудесных черт сказочному пространству осуществляется с помощью использования в его описании отрицательных членов оппозиции обычное – необычное, обычное – сказочное.

Реалии Вологодского края также находят свое отражение в текстовом пространстве конкурсных работ: *Сказка о вологодской золотой рыбке, или Как мой друг провел лето* [Экол. ск. № 91]; *...которого Кубенским озером кличут* [Экол. ск. № 102]; *Побежала речка к лесу вологодскому и видит...* [Экол. ск. № 112]; *Есть в Устюге большой дворец...* [Экол. ск. № 129].

Ожидаемым является введение в текст места, где живет главный «волшебник» страны, – Великий Устюг, особенно в текстах, созданных детьми. Однако вопреки ожиданиям автор, использующий данную географическую конкретизацию, принадлежит к возрастной категории старше 18 лет. Введение в текст именованных водоемов Вологодской области связано с одной из основных экологических проблем – загрязнение рек, озер и пр.

³ Примеры из конкурсных текстов даны как [Экол. ск. №].

Именования персонажей «экологических сказок» содержат множество традиционных имен: «Баба-Яга», «Змей Горыныч», «Кошей Бессмертный», «Дед Мороз», «ведьмы», «богатырь», «царь».

Активно в сказочное пространство вводится традиционный персонаж Иван-дурак. Вместо привычного слова «дурак» используется эвфемизм «недалекый», «глупый».

Или: *Жил умный, чистоплотный мальчик звали его Ваня. Был у него недостаток – лентяйничество* [Экол. ск. № 38]. В данном случае автор дополнительно квалифицирует лень как недостаток, тогда как в классической ВС происходит всего лишь констатация данного качества. Прилагательное «чистоплотный», видимо, появляется на фоне тематической ориентации текстов, контрастируя с традиционным образом Ивана (Ср. Аф. 179: *Сиди, дурак, на печи, да протирай нос-от!; ...и увидала там Ивана-дурака; платьишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом стоят*).

На уровне состава персонажей и инвентаря традиционных моделей их поведения можно проследить связь «экологических сказок» с некоторыми фольклорными жанрами: «Лесной Дух», «кикимора», «леший», «водяной», «озёрный царь», «Алеша Попович». Среди именовании сказочных персонажей встречаются те, что соответствуют тематике конкурса: «Экос», «Злючка-Грязючка», «Хранительница Стихий», «Мать-природа». Сказания других народов и авторских сказок также служат источником пополнения состава персонажей в сказках наивных авторов. Именование нетрадиционных персонажей происходит с помощью лексем: «Гну-Синь», «гномы», «феи», «эльфы», «нимфы», «Злыдень», «Злой Колдун».

В языковой объективации концепта *чудо* в экологических сказках традиционно участвуют лексемы с корневыми морфемами *-чуд-*, *-волшеб-*, *-див-*, *-сказ-*. Множественные прилагательные с корневой морфемой *-чуд-* часто используются в значениях «очень хороший», «прекрасный», «отличный», «очаровательный»: *Они выбрали чудесную полянку, собрали необходимые вещи и отправились отдыхать* [Экол. ск. № 26]. Зачастую лексемами с корневой морфемой *-чуд-*, *-див-* обозначается реакция удивления на происходящее: *Идёт – по сторонам поглядывает, на мир дивится* [Экол. ск. № 123]; *И тут, о чудо! Она увидела маленькую дырочку. «Ура! Я смогу поплавать в море и стать прозрачной, как роса...»* [Экол. ск. № 65].

Концепт *чудо* (чудесное пространство) дополнительно обозначается следующими лексемами: «места странные», «звери рыщут неведомые», «...необычный каменный лес», «...специальный отвар из корня папоротника».

Таким образом, исследованные нами «экологические сказки» представляют собой корпус текстов, представляющих концепт *чудо*, представление о котором в целом свойственно русской ВС, но в весьма значительной мере трансформированное под влиянием других источников информации о чудесном (авторские тексты, компьютерные игры, фольклор других народов, другие фольклорные жанры русского фольклора). Все это доказывает тот факт, что новые формы существования ВС значительно расширяют состав объектов фольклористики, открытых для дальнейшего изучения.

Литература

1. Абышева, Е.М. Концептуальные инверсии: концепт «Чудо» (на материале русских и ирландских пословиц, поговорок, сказок): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Абышева Евгения Михайловна. – Тюмень, 2008. – 350 с.
2. Вологодские сказки конца XX – начала XXI века / сост. Т.А. Кузьмина. – Воскресенское: Издательский дом – Принт, 2008. – 307 с.
3. Ложкова, Т.А. Фанатская кричалка и политический дискурс: к вопросу о специфике бытования современного молодежного фольклора / Т.А. Ложкова // Политическая лингвистика. – 2015. – №3 (53). – С. 216–219.
4. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – Москва: Наука, 1984–1985.
5. Неклюдов, С.Ю. От составителя // «Наивная литература»: Исследования и тексты / сост. С.Ю. Неклюдов. – Москва: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 4–14.
6. Песни и сказки Белозерского края / зап. Борис и Юрий Соколовы. – Москва: Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1915. – 665 с.
7. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
8. Рошияну, Н. Традиционные формулы сказки / Н. Рошияну. – Москва: Наука, 1974. – 217 с.
9. Сказки Белозерского края / зап. Б.М. и Ю.М. Соколовы. – Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1981. – 335 с.
10. Хренов, Н.А. Смена культурных циклов на рубеже XX–XXI веков: передвижение периферийных сфер в центр культуры / Н.А. Хренов // Традиционная культура. – 2006. – № 3(23). – С. 3–23.
11. Lakoff, G. A cognitive science looks at Daubert [Электронный ресурс] / G. Lakoff. – URL: // http://ockridgeinstitute.org/portal_javascripts, 2005.

V.V. Karpova

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTATION OF *MIRACLE* CONCEPT IN RUSSIAN FAIRY TALES (BASED ON VOLOGDA REGION TEXTS OF THE 19th – 21st CENTURIES)

This article aims to analyze linguistic means performing *miracle* concept in Russian fairy tales. The problem of changes in the structure of the folklore concept of *miracle* and in the list of the linguistic means of its representation seems to be relevant because communication in the form of folklore extremely changes in the modern society. Dealing with regional recordings of fairy tales and new discourse practices (i.e. ‘ecological tales’ of naive authors), the author describes some special conditions of *miracle* concept. The frame structure of the concept widens the data under our analyses. The analyses of lexemes, which express the concept under study in the Russian language and Russian fairy tales, helps to extend the basic concept characteristics by including additional meanings into the concept structure.

Concept, conceptualization, concept dynamics, fairy tale, ecological fairy tale.